

— Учитель Шэнь, вы на этой неделе каждый день с термосом! Сами варите? Пахнет просто изумительно!

Цзян Хэ присел рядом с Шэнь Цзя. Сегодня в термосе был отвар из лилии и семян лотоса, а на поверхности покачивалось несколько алых ягод годжи.

— Да так... В горле последние дни першит.

Учитель Шэнь так и не признался, сам ли приготовил отвар. Он лишь опустил взгляд и тихонько помешал ложкой ароматный напиток.

Приняв накануне заботу от Чжоу Цзыфэя, на следующее утро Шэнь Цзя захватил с собой вымытый термос, собираясь вернуть его владельцу. Но едва он ступил на улочку напротив детского сада, как его окликнули.

Знакомый чёрный седан стоял у обочины. Из опущенного стекла выглянула ярко-рыжая шевелюра.

— Учитель Шэнь, вам свежая порция!

Чжоу Цзыфэй протянул ему мятно-зелёный термос. Он с улыбкой сидел в салоне, не вылезая наружу, и говорил негромко — их фигуры терялись в густой утренней тени летней листвы.

— Ещё один?

— Ну да. У вас ведь с горлом ещё не всё в порядке. Я правда переживаю за ваше здоровье, так что решил попоить вас отварами недельку. Мне всё равно несложно готовить.

Цзыфэй держался совершенно непринуждённо, а видя, что Шэнь Цзя мешкает, подтолкнул термос чуть ближе.

В его глазах мелькнула робкая тревога. Шэнь Цзя на мгновение замер, унесясь мыслями прочь.

Он поневоле сравнил двадцатидвухлетнего Чжоу Цзыфэя с Юй Сянханом в том же возрасте.

Юй Сянхан тогда только окончил университет. Он умел капризничать, дуться на пустяки, а Шэнь Цзя, который был на три года старше, вечно опекал его, словно младшего брата, — терпеливо ублажал и заботился.

Но Чжоу Цзыфэй оказался совсем иным. Пусть он был младше аж на десять лет, Шэнь Цзя рядом с ним чувствовал себя под защитой, будто рядом находился взрослый и надёжный

старший брат.

Хотя Цзыфэй порой тоже проявлял мальчишеский задор — вроде этой его дерзкой красной шевелюры или того, как он гордо посылал воздушные поцелуи и раздавал «пятюни» трибунам на гоночном треке.

Но подобные мгновения случались крайне редко. И именно из-за этих вспышек искренности Шэнь Цзя не мог найти в себе сил отказать ему.

Цзыфэй твердил, что Учитель Шэнь — особенный. Но разве сам он не был таким же?

— Хорошо, спасибо тебе.

Шэнь Цзя принял термос. Уголки губ Цзыфэя тут же расплылись в довольной улыбке — он радовался от души, точно ребёнок, получивший похвалу от учителя.

Забрав чисто вымытый предыдущий термос, Чжоу Цзыфэй окликнул Чжоу Цзяи с заднего сиденья. Дождлся, пока Шэнь Цзя, держа малыша за руку, дойдёт до ворот детского сада и зайдёт на территорию, и лишь после этого спокойно уехал.

— Учитель Шэнь?

Цзян Хэ повысил голос, вырывая коллегу из задумчивости. Шэнь Цзя повернул голову, безмолвно вопрошая, в чём дело.

— Я говорю, похоже, отвар действительно помогает. Вам за эти дни явно стало лучше.

Цзян Хэ сочувственно вздохнул, невольно разглядывая лицо собеседника.

У Шэнь Цзя не просто прошло горло — у него даже цвет лица изменился.

Раньше в его взгляде всегда таилась тихая, застарелая печаль. Хотя в последнее время он стал улыбаться чаще, в понедельник на него снова навалилась хандра. Но со вторника он постепенно начал приходить в себя.

Сейчас его бледная кожа всё ещё казалась хрупкой, однако губы перестали выглядеть бескровными. Влажный блеск отвара из лилии и семян лотоса придавал им сочный, живой вид.

Словно засохший цветок, который наконец щедро полили водой, и он расправил лепестки, передумав увядать.

Откуда такие перемены всего за пару дней?

Цзян Хэ хотел расспросить, что у него произошло, но не решался лезть в душу. Прошлыми переживаниями Шэнь Цзя поделился сам, а сейчас молчал. Чужие перемены происходили тихо, без лишних глаз, и расспрашивать было неловко.

— Думаете? Мне и правда кажется, что стало легче. И дело не только в горле...

Шэнь Цзя взглянул на Цзян Хэ и едва заметно улыбнулся. Его глаза мягко сузились, придав лицу удивительно чистое, светлое выражение.

— Пусть забот ещё хватает, но... кажется, хоть что-то вокруг начинает налаживаться.

Сидевший напротив Цзян Хэ вспыхнул. Он уже собрался продолжить разговор, но Шэнь Цзя поднялся из-за стола, подхватив поднос и термос.

— Я поел, так что пойду. Скоро нужно укладывать малышей на тихий час. Учитель Цзян, вы не торопитесь, приятного аппетита.

Его голос звучал мягко. Попрощавшись, он вежливо повернулся и ушёл, не задерживаясь ни на секунду.

Цзян Хэ замер, провожая его взглядом.

В этом был весь Шэнь Цзя. Мягкий, доброжелательный, но неизменно сохраняющий дистанцию. Он мог тепло смотреть на тебя, улыбаясь во время разговора, а в следующее мгновение бросить короткое прощание и лёгким шагом уйти прочь.

Цзян Хэ часто не понимал его. Они много общались, но Шэнь Цзя никогда не открывал перед ним душу.

Даже когда Цзян Хэ вытаскивал его посидеть в компании, тот лишь тихо соглашался, не испытывая искренней радости или расслабления.

Казалось, такой человек, как Шэнь Цзя, никогда и никого не впустит в своё сердце.

При этой мысли Цзян Хэ почувствовал внезапный укол досады.

Кто же должен появиться в его жизни, чтобы он сам захотел шагнуть навстречу? Чтобы остановился, открылся?

Из-за кого он теряет покой? Ради кого улыбается?

Пятница подошла к концу, и занятий сегодня было меньше. Уже в половину шестого Шэнь Цзя стоял у ворот детского сада.

— Учитель Шэнь, а мы сможем завтра днём пойти в тот новый океанариум?

Чжоу Цзяи, как обычно, остался последним. Но малыш ничуть не расстраивался из-за того, что всех детей уже разобрали, а за ним никто не пришёл. Он просто сидел у ног Шэнь Цзя, уткнувшись носом в свой маленький рюкзачок.

— В океанариум?

— Ну да! Дядя обещал меня сходить, а потом сказал, что не получится. Вот я и подумал: пусть меня Учитель Шэнь сводит, и дядя тогда вообще не нужен!

Чжоу Цзяи ходил в сад всего месяц с небольшим, но статус дяди в его личном рейтинге стремительно рухнул. Учитель Шэнь после папы и мамы стал самым любимым человеком на свете.

Шэнь Цзя задумался. Никаких планов на завтра у него не было, поэтому он согласился.

Едва они скрестили мизинчики в знак договора, как подошёл Чжоу Цзыфэй. Окликнул от ворот:

— Учитель Шэнь, я за Цзяи!

Удивительно, но, услышав голос дяди, малыш даже не бросился к нему. Вместо этого он с головой уткнулся в живот Шэнь Цзя и запричитал: «Я больше всех люблю Учителя Шэнь!», причём так сладко, как никогда не заискивал перед дядей.

Шэнь Цзя обнял малыша и беспомощно улыбнулся Чжоу Цзыфэю:

— И-и жалуется, что вы обещали сходить с ним в океанариум, а потом передумали. Спросил, не схожу ли с ним я. Я только что согласился... Мы ведь правда можем сходить?

Под конец фразы в голосе Шэнь Цзя проскользнула неуверенность. Он вопросительно глянул на Цзыфэя.

Встретившись со смущённым, слегка прищуренным взглядом Шэнь Цзя — взглядом, напоминавшим кошку, осторожно трогаящую лапкой котёнка, — Чжоу Цзыфэй потерял всякую способность возражать.

— Конечно! На самом деле я уже взял отгул на тренировке, так что завтра свободен. Давайте пойдём вместе!

— Ура! Супееер! Я больше всех люблю дядю! — наконец сменил гнев на милость Цзяи и радостно возопил.

— А секунду назад говорил, что больше всех любишь Учителя Шэнь, — усмехнулся Цзыфэй.

Он взъерошил волосы племянника на руках у Шэнь Цзя. Малыш с хохотом обвил ручонками шею воспитателя и уткнулся носом ему в плечо.

— Папа и мама — на первом месте! А дядя и Учитель Шэнь — на втором!

Детская непосредственность рассмешила Шэнь Цзя. На его щеках от искреннего смеха проступил нежный румянец, глаза сузились в милые полумесяцы, а сквозь приоткрытые губы мелькнули ровные белые зубы. В этот миг он выглядел настолько юным и живым, словно старшеклассник.

Чжоу Цзыфэй молча смотрел на эту улыбку. Он понял: именно ради этого он здесь.

Лишь бы Шэнь Цзя улыбался — здорово, радостно, счастливо. Всё остальное не имело значения.

Машина остановилась у ворот жилого комплекса, где жил Шэнь Цзя. Чжоу Цзыфэй ещё раз уточнил планы:

— Учитель Шэнь, значит, договорились: завтра утром я заскочу привезти отвар, а днём заеду за вами. Заберём И-и с секции и все вместе поедem в океанариум.

— А завтра точно нужно везти отвар? Я ведь уже почти здоров...

Шэнь Цзя не хотел гонять парня попусту. Но сидящий за рулём Цзыфэй перебил его:

— Учитель Шэнь, уговор был на неделю! Мужик сказал — мужик сделал. Правда, И-и?

— Правда! Учитель Шэнь, дяде врушкой быть нельзя, кто обещания не держит — тот плохой мальчик!

Дядя с племянником дуэтом взяли его в оборот. Шэнь Цзя попытался найти компромисс:

— Ну... может, тогда привезёшь его днём, когда поедem в океанариум?

— Не пойдёт. Пока Цзяи полдня прогасает по океанариуму, он обязательно проголодается и устроит истерику.

Цзыфэй с невозмутимым видом нёс наглый наклёп на пятилетнего ребёнка.

Ему выпал редкий шанс лишний раз увидеть Шэнь Цзя, а тут всю вторую половину дня придётся таскать с собой мелкого «хвостика». Естественно, он выбивал любую возможность остаться наедине хоть на пару минут.

— Но...

Под возмущённый крик Цзяи: «Неправда, не буду я истерить!», Цзыфэй подвёл черту:

— Всё, решено! Учитель Шэнь, идите домой. Завтра утром я наберу, перед тем как приехать.

Шэнь Цзя оставалось лишь вздохнуть и согласиться. За время их общения он успел понять: если Чжоу Цзыфэй что-то вбил себе в голову, спорить бесполезно. Переупрямить его пока ни разу не удавалось.

— Учитель Шэнь! — окликнул его Цзыфэй напоследок.

Шэнь Цзя обернулся. Он стоял в лучах заходящего солнца, и тёплый летний ветер трепал его тёмные волосы, спадающие на плечи. Он вопросительно взглянул на Цзыфэя.

Взгляд парня потеплел. Сквозь шелест вечерней листвы он тихо произнёс:

— До завтра.

Шэнь Цзя замер, а затем мягко улыбнулся и ответил с той же искренностью:

— До завтра.

Вернувшись домой с лёгким сердцем, Шэнь Цзя поужинал и вымыл посуду вместе с привезённым термосом. В оконном стекле кухни отражались его слегка приподнятые уголки

губ.

Океанариум...

Он был там лишь однажды. На первом курсе университета его отвёз туда Юй Сянхан. Шэнь Цзя тогда пришёл в полный восторг, и Сянхан пообещал: когда появятся деньги, он объездит с ним океанариумы в каждом городе и в каждой стране.

Но после выпуска началась взрослая жизнь: поиск работы, покупка квартиры... А когда появилась стабильность и своё жильё, Юй Сянхан стал тонуть в сверхурочных. Шэнь Цзя, жалея его, не раз предлагал сменить работу, но тот лишь качал головой: «Шэнь Цзя, пусть сейчас тяжело, зато платят отлично. Я хочу обеспечить тебе достойную жизнь».

Так те обещания и остались пылиться в прошлом.

Вспомнив об этих страницах жизни с Юй Сянханом, Шэнь Цзя снова потерял сон. Он смотрел на ночной город за окном и прошептал в пустоту:

— А мне ведь ничего особенного не нужно было... Просто чтобы ты был рядом.

Как бы рьяно он ни рвал отношения, как бы решительно ни уходил, сердцу не прикажешь — оно не умело быть жестоким.

В конце концов он погрузился в тревожную дрёму.

Во сне ему было девятнадцать. В те годы, когда его вынудили бросить школу, он усердно работал и скопил немного денег, чтобы поступить в частную старшую школу.

Он пообещал Шэнь Цяньлуну, что тот не потратит на его учёбу ни юаня. Более того, Шэнь Цзя клялся, что продолжит подрабатывать и отдавать все заработанные деньги отцу.

И вот на второй год учёбы он встретил Юй Сянхана.

Тот постучал в дверь учебного класса и, ослепительно улыбнувшись, спросил:

— Слушай, можно я сяду с тобой? В других кабинетах всё занято.

Стук в дверь сперва переплёлся со сном, но тут же стал громче, превратившись в бесшабашный грохот.

Сквозь пелену сна донёлся знакомый голос:

— Шэнь Цзя! Ты дома?! Открывай!

Шэнь Цзя мгновенно распахнул глаза. Это был не сон. За дверью действительно стоял Юй Сянхан.

Сорвавшись с кровати, Шэнь Цзя мельком глянул на своё отражение в зеркале, быстро поправил одежду, волосы и выбежал в прихожую.

Сердце забилось в радостном, уже забытом ритме.

Это Сянхан! Ему только что снился Юй Сянхан — и вот он здесь!

— Сянхан, как ты...

Шэнь Цзя распахнул дверь, но не успел договорить: ворвавшийся в квартиру Юй Сянхан грубо схватил его за воротник.

— Шэнь Цзя, да как у тебя совести хватило?!

Скула Юй Сянхана распухла и посинела, будто от сильного удара. А в тех самых глазах, которые в памяти Шэнь Цзя всегда сияли нежностью, сейчас пылала бешеная ярость.

Вся радость моментально испарилась, заставив Шэнь Цзя замереть на месте.

— Мало того что ты годы из меня жилы тянул, так теперь ещё и папашу своего натравил на мою компанию?!

— Заранее такие снимки берёг, да?! Ждал удобного момента, чтобы обобратить меня до нитки?!

Юй Сянхан со злобной насмешкой швырнул ему в лицо несколько листов бумаги.

Шэнь Цзя беспомощно задвигал губами, пытаясь объяснить, спросить, что произошло... Но когда его взгляд упал на разбросанные по полу распечатки, всё его тело пробила крупная дрожь.

Это были размытые, но предельно откровенные снимки. Комната из его школьного прошлого.

Юй Сянхан прижимает его к кровати и страстно целует. Оба они обнажены по пояс и

прикрыты лишь одеялом. Рука Шэнь Цзя упирается в грудь Юй Сянхана — жест, похожий на попытку оттолкнуть, но Шэнь Цзя слишком хорошо помнил, как был счастлив в тот миг.

Откуда взялся этот кадр?!

Почему?! Ведь он нашёл ту скрытую камеру, которую Шэнь Цяньлун вмонтировал в его спальне, ведь он лично разбил и растоптал жёсткий диск с архивом! Откуда взялись эти снимки?!

— Это... это не я... Ты...

Голос Шэнь Цзя звучал словно скрежет сухого песка. Он смотрел на снимки, с трудом пытаясь вытолкнуть из себя правду, но слова застревали в перехваченном горле.

В отчаянии он возвёл глаза на человека, который когда-то стал его единственным спасением. Он попытался протянуть руку, чтобы коснуться руки Юй Сянхана, но тот брезгливо отшатнулся.

Взгляд Сянхана был холоден, точно ледяной клинок, вонзающийся прямо в сердце.

— Он заявился ко мне и потребовал пятьсот тысяч! Заявил, что я насиловал тебя всё это время, и теперь обязан выплатить «компенсацию»!

— «Насиловал»... Ха! Твой папаша, похоже, не в курсе, что в тот день ты сам первым полез ко мне с поцелуями! И не знает, кто из нас каждый раз ревел от кайфа!

Из уст человека с до боли знакомым голосом сыпались оскорбления и ядовитая желчь.

Воздух в комнате мгновенно стал спёртым. Грудную клетку сдавило спазмом, а руки и ноги Шэнь Цзя будто парализовало — он не мог сделать ни шага.

Шэнь Цзя задыхался. Ему хотелось закричать, что всё не так, что он не виноват, что Шэнь Цяньлун — чудовище, куда более гнилое и низкое, чем Юй Сянхан вообще способен себе представить... Хотелось выложить всю ту жуткую правду, которую он скрывал все эти годы.

Но...

— Знаешь, Шэнь Цзя... Отдать пятьсот тысяч за то, чтобы спать с тобой десять лет — слишком жирно будет.

Юй Сянхан вцепился в его запястье и грубо задрал рукав.

На обнажившейся руке пестрели многочисленные старые шрамы.

— Вот тут.

Затем он рванул ворот его рубашки, открывая ключицу и часть груди, где белели два плотных рубца.

— И вот тут.

Юй Сянхан издал короткий, сухой смешок. На его лице застыло незнакомое, страшное выражение.

Шэнь Цзя даже не нужно было слышать слова, чтобы понять, о чём думал этот человек:

«Шэнь Цзя, ты просто не стоишь таких денег».

<http://bllate.org/book/19971/1985796>